

Александр Невский и плита с «Гроба Господня»

Почему Александр Невский был прозван "Невским", а не "Чудским"? В 1237 году грозный вал Батыева нашествия прокатился по Владимиро-Суздальской, Черниговской, Киевской и Галицко-Волынской Руси. Цветущие города лежали в развалинах, народ скрывался в лесах, а грозные орды шли дальше на запад. Переживала тяжелейший кризис и русская православная церковь. Все великие патриаршества православия — Иерусалимское, Антиохийское, Никейское, Болгарское, Константинопольское, Грузинское — оказались тогда под властью иноверцев. В Константинополе сидел латинский патриарх, оплот православия Византия называлась Латинской империей. Удрученные этими религиозными потрясениями, Батыевым нашествием и внутренними неурядицами, многие русские князья, в том числе даже отец самого Александра, склонялись к мысли примкнуть к римско-католической церкви. Но и в католическом мире было не все спокойно. Авторитет римских первосвященников был подорван неудачами крестовых походов, в результате которых оказались утраченными важнейшие реликвии христианства. Таковыми издревле считались: нерукотворная икона Богородицы; крышка Гроба Господня с изображением Иисуса Христа, высеченным Ангелом Божьим; Грааль — хрустальная чаша с кровью Спасителя; неугасимая лампада, горевшая перед Гробом Господним; плащаница и знаменитая Вероника — плат с нерукотворным изображением Спасителя. Все эти святыни находились в Иерусалиме в церкви Воскресения Господня и были главным предметом поклонения паломников. И вот после Первого Крестового похода в 1099 году все эти реликвии бесследно исчезли, лишь немногие римские первосвященники и некоторые высшие руководители русской православной церкви знали их судьбу... Участники Первого Крестового похода, нуждаясь в средствах, взяли на себя долговые и вассальные обязательства перед византийским императором Исааком Комнином. И тот поспешил напомнить им о данных некогда обещаниях, как только крестоносцы взяли Иерусалим. Одной из первых в 1100 году в уплату рыцарских долгов уплыла в Константинополь каменная плита с нерукотворным изображением Спасителя. Позднее туда же отправились и многие другие реликвии. Римские понтифики, благословившие крестовый поход, не получили вожделенных святынь, которые должны были сделать Рим столицей мира. Кроме гробниц апостолов Петра и Павла да реликвий святых более низких рангов, в Риме ничего не было, а православный Константинополь, получив из рук крестоносцев Гроб Господень, Веронику, плащаницу и нерукотворные иконы, продолжал оставаться мировым центром христианства на порядок выше Рима.

Четвертый Крестовый поход происходил с 1199 по 1204 год и завершился падением Константинополя. Во время штурма великой столицы католики видели плиту Гроба Господня в последний раз. По свидетельству рядового

участника этого штурма рыцаря Робера де Клари, Гроб Господень стал добычей венецианцев и был ими кому-то продан. Кроме де Клари, воспоминания о штурме Константинополя оставил и россиянин Добрыня Ядрейкович, впоследствии архиепископ Великого Новгорода Антоний II, почему-то оказавшийся в Константинополе во время штурма. Рассказ Добрыни о виденном им вошел в Первую Новгородскую летопись и был снабжен небольшим добавлением, сообщавшим, что Добрыня привез “в Святую Софию Гроб Господень”!

Этот подвиг новгородского епископа многое объясняет в собственно русских событиях первой четверти XIII века. Заполучив главнейшую святыню христианства, господин Великий Новгород становился в один ряд с крупнейшими мировыми центрами — Иерусалимом, Константинополем и Римом, причем автоматически оказывался и первейшим городом на Руси, не исключая и Киева.

Не менее важными для понимания места и роли Александра Невского в мировой истории следует считать и его отношения с двумя духовно-рыцарскими орденами, соседствовавшими с землями новгородскими. Дед Александра Всеволод Большое Гнездо, будучи личным другом императора Священной Римской империи Фридриха Барбароссы, в свое время одобрил и поддержал создание рыцарских орденов в литовских и прусских землях. Именно от него получили в ленное владение Литву и Пруссию Ливонский орден меченосцев и эвакуировавшийся из Палестины Тевтонский орден. Оба этих католических ордена были исправными вассалами русского православного князя до самой его кончины в 1212 году. Архиепископ Рижский и Прусский управлял своей епархией не только по воле и милости понтифика римского, но и в любви и согласии с владыкой новгородским.

В 1236 году под влиянием крупных неудач в своей миссионерской деятельности в Литве оба ордена решили объединиться. Во главе их стал гроссмейстер Тевтонского ордена Герман фон Зальц, назначивший магистром Ливонского ордена своего близкого соратника по Палестине Андрея фон Вельфена. В 1238 году после подтверждения вассальной присяги отцу Александра великому князю Владимирскому Ярославу Всеволодовичу фон Вельфен на обратном пути посетил Новгород, чтобы урядиться с Александром. О чем беседовал “муж многомудрый и многоопытный маститый старец” с восемнадцатилетним князем, навсегда останется тайной. Но, как свидетельствуют ливонские хроники, житие Александра и новгородские летописи, убеленный сединами воин был удивлен и восхищен дарованиями сына своего сюзерена. Вернувшись в Ригу и собрав орден и людей всех сословий, он рассказал о своей встрече с юным князем, закончив свою речь фразой: “Несть равных ему во всем свете”. О том же он письменно уведомил Германа фон Зальца, который также будто бы воскликнул: “Воистину, несть равных ему!”

В тот тяжелый для Руси год к русским князьям зачастили легаты папы Григория IX, который решил, что настал час решительных успехов католичества на востоке Европы. Некоторые русские князья хотели верить, что по слову римского понтифика христоролюбивое воинство Европы поднимется против желтой Батыевой рати. Но у римской курии были иные планы. Еще Иннокентий III рассчитывал заполучить незаконно захваченные реликвии Иерусалима в Вечный город, а потом двинуть католицизированных русских против своего личного лютого врага императора Фридриха II. События 1239 года свидетельствовали о том, что благоприятный для осуществления римских замыслов момент близок. Многие южнорусские князья уже бежали в Австрию, Венгрию, Богемию и Моравию. Легаты Григория IX вели переговоры с отцом Александра великим князем Владимирским Ярославом Всеволодовичем, требуя передачи Гроба Господня Риму. Великий князь уклонился от ответа, сказав, что он не вправе распоряжаться имуществом новгородской церкви и вообще не желает ввязываться в новгородские дела. И вот в мае 1240 года в Новгород прибыли кардиналы Гальд и Гемонт, “самые прехитрые из двенадцати”. Официально утверждалось, что они прибыли побеседовать с юным князем о вере, хотя ясно, что двадцатилетний вассальный князь не был вправе решать такие вопросы. И действительно, в летописи и в житии нет упоминаний о встречах легатов с тем, кто занимался религиозными вопросами по должности, архиепископом Антонием II. Но в них зато сообщается, что после встречи с папскими послами Александр Ярославич наедине держал с Антонием совет, а потом, вызвав кардиналов, сказал им всего одну фразу: “От вас учение не примем!” После чего легаты прямехоньким путем отправились в... Швецию.

Последствий этого визита ждать пришлось недолго: в первых числах июля 1240 года шведские крестоносцы во главе с ярлом Биргером и престолонаследником высадились в месте впадения Ижоры в Неву...

Легаты не случайно отправились за подмогой именно в Швецию. Враг папы император Священной Римской империи Фридрих II запретил всем своим подданным под угрозой конфискации земельных владений участвовать в любых предприятиях, санкционированных католической церковью. Франция трепетала перед монгольским вторжением, такая же паника царила в Польше, Богемии, Моравии и Австрии. Немецкие духовно-рыцарские ордена, будучи вассалами Ярослава Всеволодовича, не рискнули бы выступить против сына своего сюзерена. И действительно, в ответ на призывы папских посланцев фон Зальц и фон Вельвен заявили: “Бог сам выбирает Гробу своему место” — и запретили крестоносным братьям участвовать в несправедном деле.

На призыв папы могли откликнуться только в Шведском королевстве, где в 1234 году закончилась крупнейшая междинастийная феодальная война, и ярл Биргер, отличившийся в войнах против законного государя, особо нуждался

в искуплении грехов. Участие в новом крестовом походе за освобождение Гроба Господня из рук неверных, освященном главой католической церкви, позволяло ему рассчитывать на то, что за его потомками будут закреплены права на шведский престол. Решаясь на поход, Биргер рассчитывал на легкую победу. Помочь Александру было некому: под Киевом стояла рать брата Батыя Гуюка, совсем недавно прошедшая огнем и мечом по владими́ро-суздальской земле и дошедшая почти до Новгорода. Сама новгородская земля со всех сторон соседствовала с католическими государственными образованиями, и в самом Новгороде авторитет римского первосвященника был достаточно высок. Благоприятствовало походу и почти безнадежное положение православия на мировой арене. В Константинополе сидел латинский патриарх, патриархи иерусалимский и антиохийский “правили службу” с разрешения мусульманского имама. При болгарском патриархе находился папский легат. Новгородская епархия, незаконно владевшая Гробом Господним, оставалась тогда единственным оплотом православия. И, по мнению легатов и самого Биргера, достаточно было только высадиться и прочесть папскую буллу с угрозой отлучения от церкви всякому, кто отважится сопротивляться, чтобы судьба Гроба Господня и православия решилась без всякого сражения. Зная, что митрополит Кирилл был далеко от Новгорода, что русские князья, включая отца Александра, колеблются, ярл Биргер включил в состав своего воинства претендента на новгородскую архиепископскую кафедру епископа Спиридона и решил огласить папскую буллу на вече́вой площади Новгорода.

Обстановка была критической. Шведы пришли не полонить и разорять землю русскую, но освободить святыню из рук схизматиков. При этом вождь ополчения и легат понтифика были готовы не обнажать меча, если новгородцы сами откажутся от своих заблуждений и признают главой своей церкви Григория IX. Ярл выговаривал Александру за то, что его отец и старшие братья признали себя вассалами святого Петра и только он один упорствует в своей гордыне. “Если ты посмеешь противиться мне, дерзай!” — вот все, что сохранилось в летописи и житии от биргеровского ультиматума и папской буллы.

В тот роковой день судьба всего православия полностью зависела от доброй воли двадцатилетнего Александра Ярославича, мудрости новгородского архиепископа и боевого мастерства новгородских крестоносцев, отважившихся обнажить мечи за веру православную. Как свидетельствуют все средневековые источники, Александр, обратившись с “веселым лицом” к народу, сказал: “Не в силе Бог, а в правде”. Он не послал гонцов к отцу, не стал дожидаться, “когда соберутся полки новгородские”, а выступил “в дружине малой”, благословясь у архиепископа в Святой Софии Новгородской. Все это свидетельствует об одном — Невская битва была определяющим событием всего XIII века, причем не только для России, но для всего православия и католицизма. 15 июля 1240 года “острым копием”

Александра Ярославича, еще при жизни признанного святым и прозванного Невским, был заложен первый краеугольный камень будущего Третьего Рима — всемирного оплота православия.
http://ancient.gerodot.ru/topics/data/russia/articles/russia_article_01.htm

<http://ierusalem.ru/?p=16017>

<https://avdy-san.livejournal.com/567256.html>